
ИСТОРИЯ И СВЯЗЬ ВРЕМЕН

А. А. РОМАНЧУК

«СЛЕПЫЕ ПЯТНА» НОРМАННИСТСКИХ ГИПОТЕЗ В ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА*

Автор рассматривает некоторые «слепые пятна» норманнистских гипотез в свете возникновения Древнерусского государства. Он показывает, что приверженцы «скандинавоцентричной парадигмы» очень часто прибегают к объяснениям *ad hoc*, не замечая критических противоречий в своих построениях. Объединив разрозненные элементы норманнистской гипотезы, мы обнаруживаем, что они начинают противоречить друг другу. Так, согласно Е. А. Мельниковой, старорусское слово «варяг» происходит от скандинавского *væringi*, произошедшего от греческого *βάρβαροι*, которое, в свою очередь, произошло от древнерусского «варягъ». Анализируя контекст процессов, приведших к образованию Древнерусского государства, автор критически оценивает идеи о «скандинавском контроле над Балтийско-Волжским торговым путем» и «скандинавских колониях» в Восточной Европе. Местные восточноевропейские политии ранних Средних веков, будь то славянские, балтские или финские, определенно обладали достаточной мощностью и военным потенциалом для того, чтобы при желании закрыть скандинавам бесконтрольное движение по речным путям. Автор также поднимает вопрос об исходном политическом статусе и реальной роли в образовании Древнерусского государства возникших торговых поселений в Ладоге и Гнездове.

* **Для цитирования:** Романчук, А. А. 2024. «Слепые пятна» норманнистских гипотез в проблеме возникновения Древнерусского государства. *История и современность* 1: 82–99. DOI: 10.30884/iis/2024.01.04.

For citation: Romanchuk, A. A. 2023. “Blind spots” of Norman Hypotheses in the Problem of the Emergence of the Old Russian State. *Istoriya i sovremennost’ = History and Modernity* 1: 82–99 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.01.04.

История и современность, № 1, март 2024 81–99

DOI: 10.30884/iis/2024.01.04

Ключевые слова: Древнерусское государство, норманнистские гипотезы, варяг, Балтийско-Волжский торговый путь, политики Восточной Европы, Ладога, Гнездово.

Реализуя высказанное ранее намерение (Romanchuk 2023: 191, note 2), я хотел бы очень бегло показать часть из тех «слепых пятен», что так часто не осознаются сторонниками норманнистских гипотез в проблеме возникновения Древнерусского государства. Часть, и на самом деле лишь малую – в той мере, в какой это позволяют объем и характер данного текста.

В начале, пожалуй, имеет смысл остановиться на тезисе, который с легкой руки Л. С. Клейна стал чрезвычайно популярен среди современных сторонников норманнистских гипотез: «Никакого норманизма нет в мире, нет его и в России» (Клейн 2014: 337). В противовес антинорманизму, который, по мысли сторонников тезиса Клейна, как раз существует.

Я с большим уважением отношусь к Л. С. Клейну, но с этим его тезисом согласиться никак не могу. И ранее неоднократно и достаточно подробно объяснял причины своего несогласия (особенно подробно в: Романчук 2015: гл. 1).

Норманизму как научному направлению можно дать достаточно четкое определение (Он же 2013б: 71, прим. 34). Насколько данное мною определение удачно – судить читателям. И хотя можно, наверное, это определение уточнять, дополнять, корректировать, все же очевидно, что оно отражает реально существующий феномен. Впрочем, ранее признавал это и Л. С. Клейн – и даже дал весьма структурированное (и соответствующее реальности) его описание (Клейн 2009: 121).

Я неоднократно отмечал и хотел бы особо подчеркнуть, что считаю существование норманизма как научного направления явлением чрезвычайно позитивным для науки (и конкретно для вопроса о происхождении руси и Древнерусского государства). Но при этом я абсолютно не согласен с попыткой Л. С. Клейна и многих других норманистов отказать (тем более безосновательно) в научности антинорманизму (и «закрывать дискуссию в свою пользу» в одностороннем порядке).

Моя позиция заключается в том, чтобы максимально взвешенно и критично оценивать утверждения как норманистов, так и антинорманистов. Своего рода «срединный путь».

Насколько мое движение по этому срединному пути удачно – судить, как я тоже не раз говорил, другим. Хотя должен заметить, что если для норманистов я – антинорманист, то для антинорманистов (и чем дальше, тем больше) я – норманист. Ситуация, как кажется, уже сама за себя говорящая и забавная.

Как бы то ни было, приращение научного знания в вопросе происхождения руси и возникновения Древнерусского государства в последние 300 лет определялось именно спором норманистов и антинорманистов. Как я уже писал, «только благодаря непрерывному и жесткому спору друг с другом в течение трех веков (начиная с М. В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера) – и норманизм, и антинорманизм отказались от множества (и весьма значимых – вплоть до фундаментальных) своих заблуждений» (подробнее см.: Романчук 2015: гл. 1). До какой степени норманизм в течение XIX в. под влиянием критиков-антинорманистов изменил свою позицию, наилучшим образом демонстрирует процитированная мной рецензия В. О. Ключевского на книгу М. П. Погодина (Там же).

Фактически в очень значительной степени произошла конвергенция научных позиций норманизма и антинорманизма (и в этом Л. С. Клейн прав), но произошла она, вопреки его мнению, отнюдь не только в одну сторону (в пользу норманизма).

Однако, с другой стороны, наше понимание ситуации в дискуссии норманизма и антинорманизма будет неполным, если не обратить внимание на еще одну ее важную составляющую – на то, что, помимо научного норманизма, существует и норманизм (как и антинорманизм, разумеется – и даже, пожалуй, в большей степени), если так можно выразиться, «бытовой», «обывательский». Его, кстати, прекрасно описал, помимо прочих, тот же Л. С. Клейн (Клейн 2009: 107–139).

О том, что этот «обывательский норманизм» (как и антинорманизм), увы, существует (и процветает) и сегодня, свидетельствуют мелькающие в западных СМИ статьи, где возникновение Древнерусского государства рисуется примитивно-норманистским образом, на уровне представлений позапрошлого века.

Несомненно, что эти «обывательские» версии обеих научных течений и являются одной из определяющих причин такой ожесточенности спора между ними. Другой же причиной, по всей видимости, является накопившаяся инерция (в том числе инерция самой

ожесточенности), которая мешает участникам дискуссии слышать друг друга и часто, как я отмечал, побуждает их «подменять анализ аргументов – психоанализом оппонентов» (Романчук 2013а: 295; 2013б: 115).

Можно также полагать, что именно «обывательский норманизм», оказывая свое влияние на уровне подсознания, формирования «картины мира», является во многом и причиной тех «слепых пятен», что имеют место в представлениях сторонников норманистских гипотез (и даже у действительно прекрасных ученых).

Разговор о «слепых пятнах» норманистских гипотез я хотел бы начать с вопроса, который и Л. С. Клейн вынес в качестве первого, базового, в своем определении ключевых положений научного кредо сторонников норманистских гипотез, а именно с тезиса о том, что варяги – это скандинавы (Клейн 2009: 121).

Это безоговорочное утверждение, автоматически приравнивающее термин «варяги» к термину «скандинавы», можно считать и первичным же, базовым, «слепым пятном» норманистских гипотез, поскольку не вызывает никаких сомнений тщательно аргументированный многими исследователями (в частности и в особенности А. Г. Кузьминым и В. В. Фоминым) вывод о многозначности термина «варяги» в древнерусской (летописной и не только) традиции и его эволюции в сторону расширительного значения – вплоть до обозначения западноевропейцев вообще (подробнее, со ссылками на литературу, см.: Романчук 2013а: 290, 2013б: 105–107, 2015: гл. 6; 2016). Такое расширение значения выразилось и в появлении параллелизма терминов «варяги» и «немцы», что засвидетельствовано и в летописях, и в письме Ивана Грозного шведскому королю Юхану III: «варяги – немцы».

Уже сам факт многозначности термина «варяги» требует от нас, полагаю, в каждом случае решать отдельно, кого подразумевает под варягами тот или иной источник. Перефразируя М. Б. Щукина («бастарны были бастарнами»), в этой ситуации правильно будет сказать, что «варяги были варягами».

Тем более что в вопросе о том, кто такие варяги, на обозначенное выше «слепое пятно» накладывается еще одно: сторонники норманистских гипотез упорно не хотят замечать, что общепринятая ими сегодня «скандинавская» гипотеза происхождения самого термина «варяг» (в своем современном виде она сформулирована

Е. А. Мельниковой) наталкивается на непреодолимые препятствия прежде всего хронологического характера (они были подробно изложены в: Романчук 2013а: 290; 2013б: 105–107; 2015: гл. 6; 2016). Иными словами, эта гипотеза построена на анахронизмах: этноним «варяг» очевидно возник раньше (и много раньше), нежели та среда и ситуация, которая, согласно Е. А. Мельниковой, привела к формированию этнонима «варяг». Отчасти это признала (отмечая «инородность и позднее происхождение древнескандинавского названия» *væringi* и Е. А. Мельникова: «...позднее формирование терминов варанг/вэринг в Византии и Скандинавии указывает на то, что он возник не в самой Скандинавии и не в Византии, а на Руси» (Мельникова 1998: 164). По ее словам, имеет место «содержательный парадокс в соотношении “варяг/væringi” ... это слово не встречается в древнескандинавских текстах до середины XI в., ...с момента своего появления и далее оно обозначает не тех воинов и купцов, которые бывали на Руси, а исключительно скандинавских наемников в Византии» (Там же: 159; Мельникова 2023).

В свежайшей работе А. В. Циммерлинг (также один из крупнейших российских германистов современности), отмечая, что «слово “варяг” в рунических надписях не представлено вовсе»¹, солидаризуется с точкой зрения Е. А. Мельниковой (и В. Я. Петрухина) о его возникновении «за пределами Скандинавии» (Циммерлинг 2021: 248).

То есть, как я писал, «получается, что скандинавы, известные восточным славянам уже более двухсот лет, вдруг получают от них новое название, восходящее к самоназванию небольшой, по определению эфемерной группы, сформированной по “профессиональному” принципу, с переменным составом участников. ...Группа быстро исчезает, сами скандинавы этот “специальный термин”, узколокальный, не восприняли, но славяне все же экстраполировали его в качестве названия на всех скандинавов (и не только на них), и оно в кратчайшие сроки полностью вытеснило прежнее их обозначение» (Романчук 2013а: 290). Даже, пожалуй, в сверхкратчай-

¹ Не совсем так: «В двух надписях на рунических стелах из Эстерьётланда... человек по имени или прозвищу Вэринг (*Væringr*)... В целом же слово “*væringi*”/“*væringr*” было малоупотребительным в древнескандинавской прозаической литературе и судебниках (встречается менее чем в 20 памятниках...) и в скальдической поэзии (2 случая)» (Мельникова 2023).

шие – поскольку с XII в. уже сам термин *варяг* начинает вытесняться термином *немец* (в частности, в договорных грамотах Новгорода с Готландом; см.: Кучкин 1966)².

На мой взгляд, это предельно неправдоподобное объяснение.

Тем более если учесть, что этноним «русь» (по мысли норманистов – прилагательный к скандинавам же, с чем, увы, согласиться не могу), напротив, возникает еще как минимум в VIII в. (Романчук 2013а: 292; 2013б: 108; Николаев 2017: 31, прим. 88; Романчук 2022: 337; Romanchuk 2023). Да и с носителями таких уже действительно скандинавских этнонимов, как свеи, даны или гуты (жители Готланда), восточные славяне явно познакомились не позднее того же VIII в.

Более того, на сегодняшний день Е. А. Мельникова считает даже, что скандинавское «*væringi*» («*væringjar*») «имеет позднее (вторичное) происхождение и восходит к греческому «*βάρυγοι*» (Мельникова 2023). При этом, по ее мнению, присутствующий «в византийских источниках термин «варанги» [*βάρυγος* (мн. ч. *βάρυγοι*)», в свою очередь, «вероятно, происходит» от древнерусского «варагъ» (Там же).

То есть круг замкнулся: древнерусское «варагъ», по мысли норманистов, происходит от скандинавского «*væringi*», которое происходит от греческого «*βάρυγοι*», а греческое «*βάρυγοι*», в свою очередь – от древнерусского «варагъ».

Блестяще.

Ранее я предложил иную гипотезу происхождения этнонима «варяги» (развернуто изложена в: Романчук 2016; на сегодняшний день она требует определенных корректив, но в ключевых положе-

² А. В. Циммерлинг трактует соотношение этих терминов в грамоте ГВНП № 28 иначе: «...здесь термин “варяг” используется более расширительно в зн. “иностранец на Руси”: тем не менее прямых оснований для отождествления терминов варягъ и немецъ, употребляющихся в этой грамоте параллельно, нет» (Циммерлинг 2021: 250). Однако очевидно, что сути дела это не меняет – речь должна идти уже об изменении значения термина «варяги» к моменту составления грамоты («ок. 1189–1199 гг.»), и именно в сторону параллелизма с термином «немцы».

Более того, сама Е. А. Мельникова по поводу вытеснения термина «варяги» пишет следующее: «С середины 11 в. варяги перестают упоминаться в южнорусском и северо-восточном летописании, в новгородских летописях после 1130 г. приводятся названия конкретных скандинавских народов (свеи, урмане, донь, гъте)» (Мельникова 2023).

ниях я по-прежнему придерживаюсь этой точки зрения). Согласно этой гипотезе этноним «варяги» возник действительно на германской почве – но не скандинавской.

Именно принимая в качестве исходной формы этнонима «варяги» то же германское «*væringi*» (но оставляя открытым вопрос его этимологии – хотя и предлагая возможный вариант), я, однако, полагаю, что как этноним “*væringi*” возник в германской среде на Юго-Западе Балтики, и очень рано, еще в дославянское время. При этом в отличие от своих предшественников я предлагаю локальные для Юго-Запада Балтики этнонимы – *varini*, *vari*, *vagri*, *vaigri* и т. п. – рассматривать в качестве производного (принципиальный момент!) от *vaeringi*.

То есть я вовсе не предлагаю выводить этноним «варяги» ни из «варины», ни из «вагры», и сторонникам норманистских гипотез стоило бы это заметить и спорить именно с тем, что я предлагаю, а не с тем, что они хотели бы увидеть (ср.: «Иные предлагавшиеся этимологии слова “варяг” – прибалтийско-славянская (от наименования племени “вагры”...)» [Мельникова 2023]). Но все эти этнонимы, на мой взгляд, очевидно связаны друг с другом общим происхождением и этимологией.

И, замечу, именно на южном побережье Балтики (что характерно – в балтской среде), фиксируются этнонимы, однотипные этнониму «варяги»: ятвяги и, полагаю, колбяги (Романчук 2012: 346–348). Учтем здесь и прусский соционим (обозначение военной элиты) «витинги» – восходящий, как полагают, именно к древнефризской форме³.

³ Именно с прусским «витинг» я предложил связывать и происхождение праславянского *витязь* (Романчук 2015: гл. 3). Как я отмечал, «праславянское витязь проявляет наибольшую близость именно к фризской и прусской формам. Причем при таком варианте этимологии (и балтском посредничестве) не требуется объяснять праславянское *t* (вместо ожидаемого *s* из германского *k* – при этимологизации из *vikingr*) как результат диссимилиации» (Там же). Впрочем, на древнеанглийские и фризские формы, а также на «прус. (*)*viting(a)s* др.-польск. происхождения и на *-g-* в др.-польск. источнике» (Аникин 2013: 264–265) в связи с этимологией *витязь* обращали внимание и ранее. Недавно и А. В. Циммерлинг в очень интересной статье (его попытка объяснить сохранение *dz-* в *витязь*, *князь* и пр. (Циммерлинг 2021: 253) – остроумна, но, на мой взгляд, совершенно неубедительна) также высказал предположение, что «основной путь заимствования слова *vikingr* и его ассимиляции славянами происходил западнее Руси и, возможно, шел через балтийские языки» (Там же: 254).

Вне зависимости от того, насколько предложенная мною гипотеза происхождения этнонима «варяги» верна (судить об этом читателям), все же, по всей видимости, правильным умозаключением будет то, что изначально этноним «варяги» обозначал не скандинавов и лишь позже был распространен и на них⁴. Как и на народ русь (еще до его славянизации).

Применительно к проблеме происхождения народа русь следует также заметить, что и в собственно ключевом вопросе этой проблемы – вопросе этимологии этнонима «русь», даже сторонники (ведущие сторонники) скандинавской версии его этимологии признают существование некоторых едва ли преодолимых (а на мой

⁴ Должен также заметить, что как в контексте проблемы происхождения этнонима «варяги», так и вообще в дискуссии о происхождении руси и Древнерусского государства мне представляется принципиально важным учет (разумеется, с соответствующим критическим и жестким осмыслением) и вообще мекленбургской традиции (от чего сторонники норманистских гипотез до сих пор упорно отказываются – и это тоже существенное «слепое пятно» в их умозаключениях [Романчук 2013а: 291; 2013б: 106]). И в первую очередь такого ценнейшего (вопреки сомнениям того же Л. С. Клейна) и совсем недавно введенного В. И. Меркуловым в научный оборот источника, как отображение первых шести поколений династии герцогов Мекленбургских (восходящей к последним ободритским князьям – Никлоту и Прибыславу) на витражном окне Доберанского монастыря – усыпальницы династии. Создание этого витражного окна датируется первой половиной XIV в. – то есть перед нами аутентичный и достаточно ранний источник. Если сопоставлять время его возникновения со скандинавскими, то он практически синхронен и произведениям Снорри Стурлусона, и «Сагам о древних временах». А если исходить из датировки дошедших до нас самых ранних списков этих произведений, то «доберанский витраж» даже древнее некоторых из них.

В «Доберанской генеалогии» Никлот и Прибыслав указаны как «Rex Wagigorum», то есть «вагрийские короли». То есть «Доберанская генеалогия» свидетельствует, что в расширительном значении понятие Вагрия-Вария оказывалось тождественным политике ободритов в целом.

Интерес (конкретно в вопросе происхождения так называемого «знака Рюриковичей») представляет и мекленбургская геральдическая традиция. В своей работе «Колонизация Мекленбурга» Д. Н. Егоров писал: «...славянская гербовая особенность – “крыло”... – явление громадной, исключительной редкости для чистогерманских земель» (Егоров 1915: 433–434); излюбленные (и старейшие) фигуры мекленбургской геральдики – «два крыла» и «орел без головы».

При этом, заметим, он же показал, что «предполагаемое наводнение славянских земель германскими рыцарями-авантюристами должно быть отнесено к области исторических мифов; в большую массу славянской знати лишь изредка вкрапливались немецкие выходцы» (Там же: 526). То есть мекленбургская геральдическая традиция очевидно восходит к более ранней местной же, славянской (насколько же генезис этой славянской традиции, в свою очередь, восходит к дославянскому субстрату этих территорий, требует отдельного прояснения).

взгляд, непреодолимых) препятствий – как с фонетической стороны вопроса, так и с общеисторической (Романчук 2022: 336–337). Что тем не менее не побуждает их к критической переоценке этой этимологии в целом.

Между тем за последние десятилетия в наших знаниях по поводу различных составных частей этой проблемы произошло существенное приращение – которое, как и в отношении проблемы происхождения этнонима «варяги», превратило многие отправные точки рассуждений сторонников скандинавской этимологии этнонима «русь» в анахронизмы. И самым существенным я полагаю здесь недавнее открытие С. Л. Николаева (2017), который доказал существование отдельного диалекта «русских варягов», фонетику которого демонстрирует и этноним русь (Там же: 31, прим. 88). И, что еще важнее, как убедительно показал, этот «русско-варяжский» диалект не может быть выведен в требуемое время ни из древнешведского ареала, ни из какого-либо другого из известных древнескандинавских диалектов и языков.

В свою очередь, развивая наблюдения С. Л. Николаева, я постарался показать возможность этимологии этнонима «русь» из восточногерманского *gaufs* ‘красный’ (Романчук 2022). А также то, что ключевые фонетические особенности «русско-варяжского» диалекта, не имеющие аналогий, как показал Николаев, ни в одном из известных древнескандинавских языков или диалектов, находят весьма точные соответствия как раз в языках восточногерманских (Он же 2023б).

Вне зависимости от того, насколько я прав в высказанной гипотезе по поводу восточногерманской этимологии этнонима «русь» и происхождения собственно этого народа, здесь я хотел бы обратить внимание на другое обстоятельство.

А именно на то, что эпохальное (без преувеличений) открытие С. Л. Николаева, хотя, очевидно, и требовало, чтобы вопросом занялся лингвист такого высочайшего уровня, но чисто технически, полагаю, могло быть сделано еще лет семьдесят (а то и более) назад. Лингвистам (в том числе и славистам) той эпохи, которые могли бы потенциально решить этот вопрос, не хватило для этого отнюдь не компетентности (или какого-либо инструментария). Им, очевидно, не хватило умения увидеть загадку в вопросе, в котором «все всем было давно ясно».

То есть им помешало именно очередное «слепое пятно» той научной парадигмы, в которой они находились.

И, пожалуй, именно неумение (или нежелание) сторонников норманистских гипотез заметить обозначенные выше «слепые пятна» является той ступенькой, которая закономерно приводит их к следующим «слепым пятнам» в своих построениях. И прежде всего – в отношении проблемы возникновения Древнерусского государства.

Чтобы показать это, отправной точкой своих дальнейших рассуждений я хотел бы сделать один ключевой тезис, повторенный той же Е. А. Мельниковой в целом ряде очень интересных и важных статей. Собственно говоря, в данном случае она отражает точку зрения весьма обширной и безусловно доминирующей группы исследователей. И в ее изложении этот тезис звучит даже, пожалуй, наиболее сдержанно и взвешенно.

Я имею в виду тезис о том, что сказание о призвании Рюрика и его братьев отражает «контроль скандинавов» над Балтийско-Волжским путем (Мельникова 2015: 27). Соответственно этому тезису, рождение Древнерусского государства мыслится как результат становления пересекающих Восточную Европу трансконтинентальных торговых путей (прежде всего Балтийско-Волжского) – в свою очередь, возникших в результате деятельности скандинавов. Стремясь контролировать эти пути и шедшую по ним торговлю, скандинавы, согласно данной точке зрения, и создают в итоге Древнерусское государство, в котором на раннем этапе существования «элита и профессиональное войско были скандинавскими».

Точками кристаллизации зарождающейся государственности полагаются «эмпории в узловых пунктах магистрали (Хедебю, Бирка, Ладога)» (Там же: 20). Характерно также, что Восточная Европа в рамках этой парадигмы предстает перед скандинавами фактически как *terra nullius*, «ничья земля», где им в первое столетие продвижения по Балтийско-Волжскому пути приходилось бороться прежде всего с бескрайними пространствами.

Фактически ту же мысль, лишь в несколько иной форме, выражает и многолетний научный соратник Е. А. Мельниковой В. Я. Петрухин: «Ясно, что разноплеменное население, концентрирующееся в городских (“предгородских”) пунктах на трансконтинентальных водных путях, прежде всего в Новгороде и Ладоге, должно было договариваться с дружинами скандинавов, идущими на ладьях по этим путям» (Петрухин 2014: 141).

В данном случае я концентрируюсь на фигурах Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина прежде всего потому, что именно они, будучи одними из ключевых фигур в стане норманистов, на современном уровне аргументировали гипотезу о том, что летописная легенда о «призвании варягов» отражает именно договор, «ряд» местного славянского и финского населения со скандинавами. Как подчеркивает тот же В. Я. Петрухин, «славяне были активной стороной в установлении ряда и в формировании государственной власти» (Петрухин 2014: 165).

И тем не менее в итоге, несмотря на постоянное упоминание и безусловное признание роли местных, славянских и финских элит в этом процессе, выстраиваемая парадигма, в которой далее осмысливается и интерпретируется вся совокупность наличных и вновь обнаруживаемых исторических и археологических данных, фактически оказывается скандинавоцентричной.

Закономерно, что эта «скандинавоцентричная парадигма» де-факто регулярно приходит к идее о весьма широком, масштабном и массовом проникновении скандинавов в Восточную Европу – вплоть до «скандинавской колонизации», когда Ладога, Гнездово или Тимерево полагаются «скандинавскими колониями».

Тем самым де-факто даже сторонники идеи «ряда с варягами» как начала Древнерусского государства незаметно для себя приходят к идее о том, что последнее возникает в результате скандинавского завоевания (и колонизации). Либо, в лучшем случае, к идее, сформулированной в свое время еще В. О. Ключевским в следующей форме: «Укрепившись в обороняемой стране, нарубив себе “городов”, ...наемные сторожа повели себя как завоеватели» (цит. по: Там же: 155).

В своем обосновании идеи о масштабном и массовом проникновении скандинавов в Восточную Европу, ее «скандинавской колонизации», сторонники норманистских гипотез очевидно переносят акцент в аргументации этой идеи на археологические данные (как и предлагал в свое время Л. С. Клейн [2009: 124–126]).

Однако здесь-то и проявляются их очередные «слепые пятна».

Фактически археологические данные, которые в любой другой ситуации были бы интерпретированы (и, думаю, теми же исследователями) всего лишь как свидетельства торговых контактов (даже не всегда прямых), в данном случае безоговорочно принимаются за

свидетельства непосредственного и широчайшего присутствия скандинавов (развернутую критику этой идеи см.: Романчук 2013а: 286–287; 2013б: 88–95). При этом игнорируется тот факт, что единственным надежным археологическим свидетельством присутствия скандинавов (как и представителей любой иной этнокультурной среды) на Руси могут быть лишь погребения, совершенные по характерному для них обряду (а таковых, как неоднократно отмечали исследователи, которых никак нельзя заподозрить в антинорманизме, на самом деле крайне мало).

Очень часто при этом приверженцы «скандинавоцентричной парадигмы» прибегают к объяснениям *ad hoc*, не замечая возникающих в их построениях критических противоречий (Он же 2015: гл. 4). В частности, очень различно трактуя (причем зачастую речь идет об одних и тех же исследователях) – в зависимости от актуальной необходимости – социальный состав норманнов на Руси.

Особый акцент приверженцы «скандинавоцентричной парадигмы» делают на присутствии скандинавских женских фибул в погребениях того же Гнездова (или Плакуна). И это вполне объяснимо тем, что мужских погребений, которые можно было бы атрибутировать скандинавам, «крайне незначительное число» (именно в такой формулировке это признал, собственно, и Э. Ю. Жарнов – один из активнейших сторонников или даже авторов современной версии идеи о «скандинавской колонии в Гнездове» [подробнее см.: Он же 2013а: 287]).

Разобрав вопрос о женских фибулах в контексте проблемы возникновения Древнерусского государства в отдельной работе (Романчук 2020), я не вижу ни необходимости, ни возможности повторять здесь свои выводы и оценки. Хотел бы лишь еще раз повторить заданный мною несколько раз (в том числе: Там же: 483) вопрос: если об «очень значительном» (как считают норманисты) количестве скандинавов на Руси мы судим практически исключительно на основании находок скандинавских женских фибул, то в таком случае кто же тогда двигался на Русь – скандинавские воины или скандинавские женщины?

Преувеличивая (и резко преувеличивая) следы контактов со Скандинавией в археологическом материалах, норманисты, наоборот, всячески принижают и, можно сказать, даже игнорируют тот

факт, что между Юго-Западом Балтики и Северо-Западом будущей Руси еще, видимо, в дославянское время сложилась, как я ее обозначил, Система Приоритетных Взаимодействий (Романчук 2014).

При этом доходит до забавного: то, что возникшие под западнославянским влиянием типы керамики Новгорода и Пскова составляют порядка 10–11 % керамического ансамбля этих городов, рассматривается как «незначительное количество» (часто – именно в такой формулировке) и свидетельство того, что «появление западнославянской керамики в Восточной Европе не было массовым явлением» (Мусин, Станиславски 2022: 366). А вычисляемые (расчеты эти, как я постарался ранее показать, реальности не соответствуют) тем же Л. С. Клейном для скандинавского присутствия на Руси «10–20 %» предлагается трактовать как «это уже очень существенно» (Клейн 2014: 338).

Аналогично, процитированная выше прекрасная статья А. Е. Мусина и Б. М. Станиславски очень хорошо, на современном уровне знаний, демонстрирует археологические следы взаимодействия между Юго-Западом Балтики и Северо-Западом будущей Руси (и конкретно – Волином и Ладогой). В частности, что радует, она дает ответ на давний вопрос о происхождении так называемых «больших домов» Ладоги – которые, вопреки устоявшейся традиции сопоставлять их с «длинными домами» Скандинавии, все же от них заметно отличаются. И рассматривать «большие дома» Ладоги, очевидно, надо в более широком контексте, учитывая в том числе и Фрисландию (Романчук 2013а: 287; 2013б: 98, прим. 49).

Но ближайшие на сегодняшний день аналогии ладожским постройкам обнаруживаются как раз на Юго-Западе Балтики, и прежде всего в Волине, Мекленбурге и Вроцлаве (Мусин, Станиславски 2022: 370–371).

Вместе с тем в интерпретации западнославянских влияний на гончарную керамику Северо-Запада Руси А. Е. Мусин и Б. М. Станиславски повторяют, без малейших сомнений, ту же «скандинавоцентричную» версию. Рассматривая проблему западнославянской керамики типа «зоны Торнов – Кленица» в Городке на Ловати, они присоединяются к старой точке зрения: западнославянские гончары «могли попасть в Восточную Европу вместе со скандинавами в качестве невольников» (Там же: 374)⁵.

⁵ Не могу согласиться также с тезисом А. Е. Мусина и Б. М. Станиславски о том, что «до эпохи викингов ... надежных археологических параллелей в культуре

Закономерные вопросы: «А что свидетельствует о том, что это были именно невольники?» и «Почему именно вместе со скандинавами?» – ими, увы, даже не ставятся.

Точно так же вплоть до недавнего времени (в последние годы, к счастью, здесь все же наметились сдвиги в лучшую сторону), например, фризские вещи из могильника Плакун (те же кувшины типа Таттинг) или из самой Ладоги рассматривались исключительно как доставленные скандинавами.

Такое положение, очевидно, являлось следствием молчаливо подразумеваемой (или даже прямо озвучиваемой) презумпции создания самих «трансконтинентальных торговых путей Восточной Европы» именно и исключительно скандинавами.

То, что фризы, как очевидно, были активными участниками и, по всей видимости, даже основными создателями по крайней мере трансбалтийской торговли, в расчет никак не принималось. А между тем ранние фризские влияния, по всей видимости, обнаруживаются и в древнерусском ареале (Романчук 2018: 101–102, прим. 10). Также не принималось (и не принимается) во внимание, что и арабские купцы достигали Среднего Поволжья (ибн Фадлан) и даже Волина

польских и новгородских земель проследить не удается» (Мусин, Станиславски 2022: 364). Этот тезис представляет собой завуалированное возражение в адрес моего вывода о возникновении Системы Приоритетных Взаимодействий между Юго-Западом Балтики и Северо-Западом будущей Руси еще до «эпохи викингов» (как ее обозначают; для Руси применение этого термина представляется мне некорректным) и даже в дославянское время (Романчук 2014). Однако следы таких взаимодействий, вопреки А. Е. Мусину и Б. М. Станиславски, вполне наблюдаются. И, в частности, одним из ярчайших проявлений здесь следует считать лепную керамику так называемого «ладожского типа» (подробно см.: Он же 2013б: 72–77, прим. 35). На сегодняшний день мне представляется еще более очевидным, что мы должны согласиться с теми исследователями, которые связывают ее генезис с Юго-Западом Балтики. Керамика «ладожского типа» должна, на мой взгляд, либо объясняться как лепное производное гончарной керамики Юго-Запада Балтики, либо же со временем там будет найден и ее лепной прототип.

Должен также отметить еще один момент: рассуждения авторов на нескольких страницах (Мусин, Станиславски 2022: 363–367) вполне явно, на мой взгляд, представляют собой реакцию на некоторые мои работы (особенно: Романчук 2014). С ними, как мне достоверно известно, вполне знаком по крайней мере А. Е. Мусин. Ссылок на эти мои работы, однако, в их статье нет.

Полагаю, что это в корне неверная стратегия ведения полемики – и рано или поздно она приведет авторов к фатальной ошибке.

Впрочем, кое в чем А. Е. Мусин и Б. М. Станиславски на этих страницах уже ошиблись. Однако об этом лучше будет поговорить отдельно.

(ибн Якуб) – хотя и со стороны Испании, и, очевидно, участвовали в создании трансконтинентальных торговых путей Восточной Европы той эпохи в неменьшей степени.

Наконец, и славяне явно были крайне активной стороной этого процесса – как свидетельствует то, что «др.-рус. тѣргъ... “торг, рынок”... проникает в древнешведский язык, *torgh*, откуда попадает в другие скандинавские языки... что свидетельствует о древности заимствования, а также в западнофинский: *togi*» (Мельникова 1984: 70). Причем важный момент: «тѣргъ > *torg*... не только служит обозначением торговых площадей в средневековых шведских городах, но и образует топонимы в качестве географического термина» (Там же: 75). Думаю, этот факт сложно объяснить как-то иначе, чем то, что славянские купцы создавали свои «торги» на территориях свеев и западных финнов⁶.

Предполагая «скандинавскую колонизацию» Руси, приверженцы «скандинавоцентричной парадигмы» игнорируют и тот неоднократно ими самими аргументированный факт, который Ф. Б. Успенский (он может считаться одним из самых видных современных представителей «скандинавоцентричной парадигмы») описал в следующем выводе: «...наблюдается специфическая бедность... дефицит языковых свидетельств скандинавского присутствия» на Руси (цит. по: Романчук 2013б: 95).

Между тем это ключевой момент (и на него неоднократно обращали внимание исследователи, начиная с С. А. Гедеонова). Если бы скандинавское присутствие на Руси было столь значительным и значимым, как того хотят сторонники «скандинавоцентричной парадигмы», то оно не могло бы не иметь и пропорциональных последствий, отразившихся в языке и культуре.

А этого-то как раз и не произошло – в отличие от Западной Европы, где достоверное и действительно имевшее место скандинавское завоевание привело к появлению Данелага и Нормандии.

Выводы многих исследователей на этот счет приводились мной ранее; здесь нет ни возможности, ни необходимости их повторять. Но любопытно все же представить здесь оценку самой Е. А. Мельниковой: «Ни Томсен, ни Стендер-Петерсен, ни отечественные спе-

⁶ Имеются и другие языковые следы влияния восточных славян на скандинавов в древнерусское время, связанные, очевидно, именно с активной ролью восточных славян в торговых контактах со Скандинавией. Они были тщательно рассмотрены в литературе, в том числе и самой Е. А. Мельниковой.

циалисты по истории древнерусского языка не отмечают ни одного случая фонетических, морфологических или синтаксических инноваций в древнерусском, которые могли бы произойти под влиянием скандинавских языков. Единственная сфера, где взаимодействие этих языков может быть прослежено, – это лексика, то есть наиболее проницаемая и динамичная область языка» (Мельникова 1984: 66). Но «и лексический взаимообмен не был интенсивным и широким». По К. Торнквист (работу которой Е. А. Мельникова отметила как наиболее строгую и объективную), всего лишь десять слов в древнерусском языке заимствованы из скандинавских языков.

Для сравнения: «...длительное завоевание датчанами восточных областей Англии (Danelag), отразившееся в английском языке в виде многочисленных (до 10 % современного лексического фонда) лексических заимствований и ряда морфологических инноваций» (Мельникова 1984: 66). Или: «Завоевание скандинавами Нормандии, оставившее значительные следы в топонимике и лексике области...» (Там же).

Таким образом, говорить о «скандинавской колонизации» в древнерусском ареале, полагаю, не приходится.

Не можем мы говорить, на мой взгляд, и о «контроле скандинавов» над торговыми путями Восточной Европы. Равно как и видеть в Гнездове или Ладоге нечто большее, чем изначально поселения купцов, «торги», возникавшие с разрешения местных, восточноевропейских политий (подробнее см.: Романчук 2018: 103, прим. 14; см. в этой связи также: Радиньш 2003: 153–155; Петрухин 2019).

Местные политии Восточной Европы эпохи раннего Средневековья, будь то славянские, балтские или финские, очевидно обладали достаточной мощностью и военным потенциалом, чтобы при желании закрыть скандинавам бесконтрольное движение по речным путям.

Наглядной иллюстрацией служит «зона недоступности» для западнобалтских и скандинавских вещей, возникшая на Западной Двине в ареале тушемлинской культуры (Казанский 2010: 104). Или массовое погребение в Сальме (о. Сааремаа), которое интерпретируется как захоронение свеев, «погибших от рук местных жи-

телей-эстов» (Мельникова 2019: 71)⁷. Согласно выводам А. Радиньша (и, думаю, вполне убедительным), в IX–XII вв. «жителям низовьев Даугавы удалось удержать под своим контролем Даугавский путь» (Радиньш 2003: 158).

И неслучайно Хаук Длинные Чулки плывет на Русь на одном корабле, отпустив других своих спутников. Неслучайно вообще собиравшиеся для поездок в Восточную Европу отряды скандинавов были невелики и, как правило, ограничивались одним кораблем (Мельникова 2019: 67).

Все это радикальным образом отличается от поведения скандинавов в Западной Европе, где возникают Данелаг и Нормандия. Скандинавы, очевидно, вели себя пропорционально своим военным и демографическим возможностям в конкретном регионе. И если ни свой Данелаг, ни своя Нормандия не возникли в Восточной Европе, то явно, что последняя в раннем Средневековье уже не была *terra nullius*.

Литература

Аникин, А. Е. 2013. *Русский этимологический словарь*. Вып. 7 (вершь I – вняться II). М.: ИРЯ РАН.

Егоров, Д. Н. 2015. *Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII веке. Т. 1. Материал и метод*. М.: А. А. Левенсон.

Казанский, М. М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. *Stratum plus* 4: 17–127.

Клейн, Л. С.

2009. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. СПб.: Евразия.

2014. Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора. *Stratum plus* 5: 335–343.

Кучкин, В. А. 1966. О древнейших смоленских грамотах. *История СССР* 2: 103–115.

Мельникова, Е. А.

1984. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке. *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год*. М.: Наука. С. 62–75.

⁷ Здесь же можно вспомнить и о «викинггах-эстах», упоминаемых в «Саге об Олафе Трюггвасоне». Согласно саге, Олаф попал к ним в плен вместе с матерью и провел в рабстве у эстов шесть лет.

1998. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии. *Византийский временник* 55(80). Ч. 2: 159–164.

2015. Возникновение Древнерусского государства в европейском контексте: постановка проблемы. *Вестник РГГУ* 9(152): 20–34.

2019. Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию. *Российская история* 4: 66–81.

2023. Варяги. URL: <https://bigenc.ru/c/variagi-8f7148>.

Мусин, А. Е., Станиславски, Б. М. Ладога и Волин как узловые центры трансбалтийских контактов между польскими землями и Северо-Западом Восточной Европы в X в. *Stratum plus* 5: 361–382.

Николаев, С. Л. 2017. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет». *Вопросы ономастики* 14(2): 7–54.

Петрухин, В. Я.

2014. *Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры*. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ.

2019. Новгородское городище и Гнездово: 40 лет полемики. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2: 93–100.

Радиньш, А. 2003. Даугмале и Даугавский путь. К проблеме образования городов. *Archaeologia Lituana* 4: 152–160.

Романчук, А. А.

2012. Российский археологический ежегодник: новая «площадка для дискуссий» в российской археологии. *Stratum plus* 4: 341–352.

2013а. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* 5: 283–299.

2013б. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия). *Вестник КИГИТ* 36(6): 73–131.

2014. Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии. *Stratum plus* 5: 345–355.

2015. Норманизм vs анти-норманизм: как дойти до продуктивной дискуссии? *Генофонд.рф* 12 октября URL: http://генофонд.рф/?page_id=4842.

2016. Варяги и варязи: к вопросу об этимологии и времени возникновения этнонима варяг. *Восточно-Европейский научный вестник* 2: 65–72.

2018. Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели. *Revista Arheologică* XIV(1): 93–107.

2020. Женские украшения и возникновение Древнерусского государства: заметки на полях проблемы. В: Рабинович, Р. А. (отв. ред.), *На одно*

крыло – серебряная, На другое – золотая... Сборник научных статей, посвященный памяти Светланы Рябцевой. Chişinău: Stratum Plus. Pp. 479–486.

2022. Этноним русь и восточногерманское *rauþs «красный»: еще раз к обоснованию гипотезы. *Stratum plus* 5: 335–343.

2023. «Русь Стемида и Лидулфа» и гипотеза о восточногерманском происхождении этнонима русь. *Stratum plus* 5: 375–381.

Циммерлинг, А. В. 2021. Имена и сообщества: варяги, колбяги и викинги вокруг Балтики. В: Матыцина, И. В. (отв. ред.), *Гуманитарный полилог: сборник статей к юбилею Елены Михайловны Чекалиной*. М.: МАКС Пресс. С. 247–254.

Romanchuk, A. A. 2023. Social Evolution in the Mirror of a Journal: To the Twentieth Anniversary of the “Social Evolution & History”. *Social Evolution & History* 22(1): 179–196. DOI: 10.30884/seh/2023.01.06.